

Лев Лурье

Как я познакомился с Рогинским

Арсений Рогинский перепахал меня всего. Он увел меня из «Сайгона» в Публичку, научил работать в архивах, познакомил, например, с Анатолием Марченко и Юлием Даниэлем. Научил не опаздывать, не говорить пошлости и любить угонщиков стад наравне со специалистами по позднему Манделштаму.

А начиналось это так. В 60–70-е гг. существовало несколько столовых, куда ходили студенты и преподаватели Ленинградского университета. Матмех и химфак находились на 9-й и 10-й линиях Васильевского острова, там было кафе с местным названием «Лондон». Две столовые располагались около главного здания, одна напротив БАНа – «Восьмерка», туда, наверх, ходил народ побогаче, а те, кто победнее, спускались вниз, в мороженицу. И, наконец, «Академичка» на Таможенном переулке, рядом с Кунсткамерой (теперь здесь пафосный ресторан «Старая таможня»).

«Академичка» открывалась в восемь утра, а закрывалась в шесть вечера. В ней было три отдельных зала. Один, большой, – столовая самообслуживания, грязная, с отвратительной пищей. В отдельном помещении официантки обслуживали преподавателей университета и сотрудников академических институтов. Собственно наша поколенческая группа сосредоточивалась в кафетерии, где стояли напротив друг друга два кофейных автомата «Омния» и случалось пиво. Я пришел сюда впервые, поступив на экономический факультет ЛГУ (он находился там, где сейчас истфак и философский). Помню важного пятикурсника восточного факультета Марка Сермана, заказывавшего по утрам коньяк у буфетчицы: «Тот, кто очень рано пьет, никогда не устает, Валентина!» Впрочем, крепкое спиртное скоро убрало.

Основными посетителями «Академички» были студенты-прогульщики. Натуральные кофеманы собирались там, где можно было заказать хороший четверной кофе («Восьмерка», кафе на втором этаже истфака), в «Академичке» главным было общение. Люди пили маленький двойной с сахаром, пиво, писали научные работы, читали и передавали друг другу разные книжки. Обмен книгами стал своеобразной традицией: если кто-нибудь находил какую-нибудь новую редкую книгу, он тащил ее в «Академичку», и через некоторое время она становилась всеобщим достоянием. Так случилось, например, с книгами Юрия Лотмана, Михаила Бахтина, ранним самиздатом. В «Академичке» было принято говорить не о бабах, не о выпивке, не на брутальные темы, принятые, например, в «Сайгоне», а о коптах, пятницах Случевского или Добычине. Любимыми играми «Академички» были коробок и боп-доп (впоследствии запрещенный из-за производимого игроками шума).

В начале 1960-х «Академичка» считалась местом силы физического факультета. Затем, после того как он был переведен в Петергоф, там стали собираться медленно спивающиеся геологи и биологи (они пили пиво, потягивая принесенный с собой лабораторный спирт), деградантская, но вполне симпатичная группа, перетекавшая к вечеру в «Сайгон» или на квартиры (среди них был и будущий основатель «Митьков» Владимир Шинкарев). С конца 1960-х тон задавали филологи русисты (Глеб Маркелов, Владимир Бударягин, Александр Лавров, Сергей Гречишкин, Виктор Кривулин, Лев Васильев), к ним примыкали англисты Александр Жидков, Александр Долинин и Юрий Клейнер. Позже появилась более молодая компания периодически посещавших научные конференции в Тарту – Георгий Левинтон, Елена Рабинович, Николай Вахтин, Павел Клубков. Богему представляли Сергей Чарный, Геннадий Григорьев, Лев Лурье. Бывал один из первых рокеров, прыгун в высоту, студент истфака Владимир Рекшан. Атрибутом «Академички» считались бумажные салфетки: они были сделаны из такой плотной бумаги, что неосторожный посетитель мог запросто порезать ими нос. Приятную ностальгию навевают цены «Академички»:

- Кофе простой без сахара – 3 коп.
- Кофе двойной без сахара – 6 коп.

· Кофе тройной без сахара – 10 коп.

Для справки: средняя стипендия студента в те времена составляла приблизительно 30 рублей.

Ранней осенью 1974 года я, как и всегда, сидел в «Академичке» с фундаментальным справочником Алексея Шилова «Деятели революционного движения России» и обсчитывал национальный, социальный и демографический состав русских революционеров от «Союза Спасения» до Дмитрия Благоева и Софьи Гинзбург. К этому времени я уже был исключен из комсомола и отбыл годичный срок фрезеровщиком на заводе «Ленполиграфмаш» за черновик листовки, начинавшейся словами: «Товарищи студенты ЛГУ! Приближается 100-летие со дня рождения В.И. Ленина». Меня восстановили на вечернем отделении, но вечер еще не наступил.

К шести я, как всегда, собирался в «Сайгон», где помещалась тогдашняя ленинградская «Бродячая Собака», т.е. теснились поэтические гении и прочие дегранты. В это время в «Академичку» зашел мой школьный и университетский приятель Гаррик Левинтон и представил своего спутника. Это и был Арсений Рогинский. Он, как выяснилось, искал в Ленинграде адвоката для арестованного Габриэля Суперфина. Я испытал священный восторг, так как знал фамилию Суперфин и воспитывался отцом в почтении к московским подпольщикам.

Меж тем Рогинский заинтересовался предметом моих занятий и выяснил, что это «Народная воля». Он задал неожиданный вопрос: какой затерянный в архивах неопубликованный документ о народничестве вызвал бы наибольший интерес у специалистов. Я знал о существовании знаменитого, неопубликованного, написанного тайнописью письма Якова Стефановича Льву Дейчу, посланного в 1883 г. в Швейцарию из тюрьмы Трубецкого бастиона. Письмо это скрывалось получателем, в нем содержалось, видимо, нечто постыднее. Сам факт переписки (осуществленной, возможно, под жандармским контролем) стал причиной скандала в эмиграции и окончательного разрыва народовольцев с будущими марксистами.

Мы вышли покурить на Таможенный переулок, и мой новый знакомец сказал: «Это письмо, должно быть, хранится в Доме Плеханова, и мы его точно за месяц найдем». С этого момента моя судьба переломилась. Письмо нашли, опубликовали, а Рогинский стал для меня навсегда абсолютным авторитетом и пожизненным учителем.